

Пар взметнулся вверх, и всё содержимое чаши вылилось на колени Хо Уцзю, сочась сквозь ткань одежд и капая на пол. Служанки вокруг вскрикнули, а стоявший позади Сунь Юань подпрыгнул от ужаса и бросился вытирать его ноги полотенцем. Только сам Хо Уцзю, сидевший в кресле, не шелохнулся.

Кипяток обжигал тело даже сквозь плотную ткань, и это было больно. Но физическая боль для него почти ничего не значила. Он лишь опустил взгляд на свои ноги. Он ясно видел, что она сделала это намеренно. Для человека, владеющего боевыми искусствами, её движение было неуклюжим и медленным, как во сне, но он не смог уклониться. Потому что его ноги не двигались.

Это унижение было куда невыносимее плотских страданий. Спустя мгновение Хо Уцзю поднял глаза и одарил Таочжи коротким взглядом. Не будь она женщиной, он бы вернул этот долг сторицей, влив ей этот кипяток прямо в глотку. Но он никогда не поднимал руку на женщин.

Однако одного этого ледяного, полного свирепой злобы взгляда хватило, чтобы Таочжи вздрогнула и невольно отступила на шаг. Но тут же пришла в себя. «Что я творю? Этот калека смеет на меня злиться, а я испугалась?» Ей нечего было бояться — Ван-е сегодня нет в поместье! В этом дворе она — главная, и она не верила, что другие слуги осмелятся донести на неё, или что этот инвалид найдет в себе наглость пойти жаловаться принцу!

Таочжи тут же округлила глаза и холодно рассмеялась:

— Простите нерадивую рабыню, нога соскользнула. Только вот господину следовало бы самому отъехать в сторону, тогда бы вы не обожглись.

Затем она перевела взгляд на Сунь Юаня.

— А ты чего, олух, стоишь? Тебя сюда приставили кресло возить, а не истуканом стоять. Раз такой тупой, завтра пойдешь двор подметать!

Ван-е редко бывал в зале Аньинь, а Мэн Цяньшань всегда следовал за ним по пятам, поэтому Таочжи привыкла вести себя здесь как полноправная хозяйка. Слуги привыкли: она могла обругать кого угодно, а потом кто-нибудь из смельчаков еще и придет её утешать.

Но сейчас, когда она выплеснула свою желчь, в комнате воцарилась такая тишина, что было слышно падение иголки. Она тяжело дышала и с недоумением огляделась. Все служанки стояли, низко опустив головы, словно напуганные перепела. Таочжи нахмурилась. «Что с ними? Неужели появление этого наложника так их напугало? Он же просто калека, который и шага ступить не может, чего в нем страшного».

Она холодно хмыкнула и уже собралась выйти из комнаты. Но, обернувшись, увидела двоих людей, стоящих в дверях. У Таочжи подкосились ноги, и она с глухим стуком рухнула на колени.

— Ван... Ван-е!

Цзян Суйчжоу пробыл в кабинете до самых сумерек. Еще днем пришло приглашение от двух чиновников из Министерства работ — звали выпить. Цзян Суйчжоу, будучи новичком, даже не знал, сколько он может выпить, прежде чем свалиться, и, поразмыслив, не рискнул ехать на пир. Он потянул время и отправил Мэн Цяньшаня с ответным письмом: мол, плохо спал ночью,

подхватил простуду и остался дома лечиться. Поскольку он слыл известным доходягой, оправдание сработало идеально, и те двое не стали настаивать.

Разобравшись с делами, Цзян Суйчжоу вышел из кабинета. Хотя в его спальне и заперт «раненый тигр», это не повод оставаться без ужина. Он никак не ожидал, что, подойдя к дверям главной комнаты, застанет Таочжи, изрыгающую ядовитые колкости в адрес Хо Уцзю. Служанка стояла у стола, полностью загородив собой инвалидное кресло, и её резкий голос был слышен издалека.

Мэн Цяньшань, увидев это, побледнел и хотел было крикнуть, но Цзян Суйчжоу жестом его остановил. Хотя он и не видел лица девушки, по одежде было ясно: это та самая, что столкнулась с Хо Уцзю днем. Цзян Суйчжоу думал, что его выговора будет достаточно, но эта девица оказалась невероятно наглой. Он не мог понять: то ли она устала жить сама, то ли хочет поскорее отправить на тот свет его.

Он молча наблюдал за её триумфальной тирадой, видел, как она обернулась, замерла в изумлении и рухнула на пол. Глядя на её дрожащую фигуру, Цзян Суйчжоу почувствовал лишь досаду. К чему теперь этот страх? Почему ты не боялась секунду назад, когда издевалась над Хо Уцзю?

Он всегда презирал эту черту в людях. Как человек из будущего, он считал уважение к жизни и достоинству базовыми вещами. Но некоторые, получив уважение к себе, тут же начинают топтать чужое. Будучи сами в подчинении, они при первой же возможности начинают тиранить тех, кто еще слабее.

Видя, что принц молчит с ледяным лицом, Мэн Цяньшань шагнул вперед и прошипел:

— Ну и заносчивость у тебя, Таочжи! Ты хоть помнишь, что господин Хо — хозяин в этом доме? Глядя на тебя, можно подумать, что хозяйка здесь ты!

Таочжи начала отчаянно бить поклоны, пытаясь оправдаться:

— Ван-е, я не хотела! Это... это слуга, который возит кресло! Он толкнул меня, и я случайно пролила суп на госпожу...

— Я что, по-твоему, слепой?

Цзян Суйчжоу нахмурился и оборвал её. Таочжи вздрогнула и приникла лбом к полу, не смея поднять глаз.

Цзян Суйчжоу отвел взгляд и сухо произнес:

— Мэн Цяньшань.

Тот мгновенно понял и рывкнул:

— Чего она еще здесь глаза Ван-е мозолит? Утащить её!

Тут же двое слуг из галереи подхватили Таочжи под руки и уволокли прочь.

Цзян Суйчжоу знал, что Мэн Цяньшань с ней разберется. Он потер переносицу и подошел к Хо Уцзю. Ноги генерала были мокрыми, а над пустой чашей на столе всё еще вился пар. Облить человека супом — само по себе тяжкое оскорбление, но сделать это специально, целясь в

покалеченные ноги... это всё равно что посыпать солью открытую рану.

Глядя на то, как Хо Уцзю сидит в своем кресле, не проронив ни слова, Цзян Суйчжоу почувствовал необъяснимую тяжесть в груди. Он с трудом отвел взгляд.

Раз уж гость по его вине перенес здесь унижение, нельзя было просто оставить всё как есть. Но, будучи гордым и холодным принцем, он не мог позволить себе просто извиниться. У Цзян Суйчжоу нещадно разболелась голова.

Помедлив, он произнес:

— Ступай, сначала помоги господину переодеться в чистые одежды.

Ему нужно было время, чтобы подобрать слова.

Сунь Юань поспешно кивнул и укатил кресло за ширму во внутренних покоях. Цзян Суйчжоу сел за стол и потер виски. Он только собрался привести мысли в порядок, как увидел, что Сунь Юань, едва зайдя за ширму, вышел обратно один.

Цзян Суйчжоу поднял глаза:

— В чем дело?

Сунь Юань стоял с пустыми руками, явно не зная, куда деваться от неловкости:

— Господин сказал... что слуги ему не нужны.

Взгляд Цзян Суйчжоу невольно переместился на ширму. Сквозь полупрозрачный шелк угадывался силуэт сидящего человека. Принц замолчал, лишь коротко хмыкнув в ответ.

Почему-то он очень хорошо понимал сейчас состояние Хо Уцзю. Возможно, потому, что он почти десять лет изучал историю и написал не одну научную работу, посвященную именно этой личности. Он знал: Хо Уцзю не нуждается ни в ком. Даже с перебитыми ногами он не хотел, чтобы о нем заботились как об инвалиде. Он был соколом, рожденным в степных ветрах Яньгуаня, обладал невероятной жаждой жизни и был запредельно независим и горд.

Убить его было непросто, но еще сложнее было заставить его принять опеку в золотой клетке. Это было не то, что ему нужно.

Цзян Суйчжоу погрузился в раздумья. Он должен был готовить речь и стратегию, но мысли невольно уплывали вдаль. В комнате воцарилась тишина, прерываемая лишь шорохом ткани за ширмой и легким поскрипыванием колес.

Вскоре Хо Уцзю вышел из-за ширмы, сам вращая колеса кресла. На нем была чистая одежда. Поскольку у него еще не было своего гардероба, а никто из домочадцев не обладал столь статной и высокой фигурой, на него надели то, что нашлось под рукой — грубую одежду простого слуги.

Цзян Суйчжоу посмотрел на него. Если человек красив, на нем любая тряпка сидит как влитая. Обычный серый холст на Хо Уцзю смотрелся как боевое облачение, полное суровой армейской стати.

Сунь Юань ловко подкатил кресло к столу. Цзян Суйчжоу взял палочки и украдкой взглянул на генерала. Он помнил, что у того на ногах раны, и хотя они были на голених, горячий суп

вполне мог на них попасть. Но, видя молчаливость Хо Уцзю, Цзян Суйчжоу терзался сомнениями. Если всё в порядке, звать лекаря без причины — глупо. Но он знал, что Хо Уцзю умеет терпеть, и не мог быть уверен, есть ли ожог...

С этими мыслями он невольно засмотрелся на Хо Уцзю дольше обычного. В этот момент генерал поднял голову и в упор поймал его вороватый взгляд. Цзян Суйчжоу попытался сделать вид, что смотрит мимо, но Хо Уцзю спокойно и прямо взирал на него, словно ожидая, что тот скажет.

«Поймал с поличным, не отвертеться». Цзян Суйчжоу откашлялся и, продолжая накладывать себе еду, буднично спросил:

— Повязки не намокли?

— Нет, — ответил Хо Уцзю.

Его голос был низким и глубоким; в ночной тишине он звучал как выдержанное крепкое вино. Цзян Суйчжоу коротко кивнул.

— Эта служанка позволила себе лишнее. Больше она здесь не появится, — сказал он.

Хо Уцзю ничего не ответил. Цзян Суйчжоу и не ждал реакции, он лишь перевел взгляд на Мэн Цяньшаня.

Тот закивал: — Будьте спокойны, хозяин! Такого больше не повторится!

Ужин прошел в тяжелом молчании. Когда с едой было покончено и служанки убрали со стола, они принялись готовить спальню: расстилать постель, готовить книги, которые Ван-е мог захотеть почитать перед сном.

Цзян Суйчжоу сидел в стороне со свитком в руках, наблюдая, как Мэн Цяньшань хозяйничает в спальне. Взгляд принца остекленел. Он так уютно провел день в кабинете, что совершенно забыл о самой важной проблеме. Он посмотрел на Хо Уцзю, а затем сокрушенно опустил глаза на книгу.

«Если Хо Уцзю спит в моей спальне... то где, черт возьми, спать мне?»

От автора: С тех пор как Ван-е "женился" на госпоже Хо, он только и делает, что спит на кушетках. Бедняга, какой позор, хе-хе.

<http://bllate.org/book/16965/1578838>